

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СПЕЦНАЗ

Александр
ТАМОНИКОВ

КОРИДОР БЕЗ СВЕТА

Президентский спецназ: новый Афган

Александр Тамоников

Коридор без света

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Коридор без света / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
— (Президентский спецназ: новый Афган)

ISBN 978-5-699-90597-3

Через контрабандный коридор в Россию переправлена опытная партия нового психотропного препарата. Его эффективность проверяется в заброшенной подмосковной деревне на заложниках из числа трудовых мигрантов. Одному «подопытному» удастся бежать, но он погибает на посту ДПС. В это же время при переправе через Пяндж тонет очередной наркокурьер. Результаты вскрытия обоих тел настораживают спецслужбы: налицо действие неизвестного ранее вещества. Срочно устанавливается местонахождение подмосковной базы наркодельцов. Туда направляется группа майора Скоробогатова. Спецназовцы еще не знают, что это только первая часть операции, и в скором времени им предстоит опасная командировка в Афганистан.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90597-3

© Тамоников А. А.
© Эксмо

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Тамоников

Коридор без света

© Тамоников А. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.
От автора*

Глава первая

Пассажирский поезд из таджикской станции Худжанд прибыл на Казанский вокзал с опозданием всего в десять минут, в 0 часов 12 минут. Народу было немного, а вот полиции, что вышла к поезду – немало. Впрочем, полицейские без особого рвения проверяли пассажиров, тем более что большая часть их подседа уже на территории России. У лиц азиатской внешности выборочно проверяли документы, интересовались целью приезда, кого-то уводили в отдел, но, в общем, ничего необычного. Мужчину лет сорока с чемоданом и черным пакетом патруль линейного отдела остановил у входа к торговым палаткам. Бравый офицер представился:

– Лейтенант Васильев, попрошу документы.

– Пожалуйста, господин офицер. – Вежливый мужчина достал из кармана пиджака российский паспорт.

Лейтенант явно ожидал увидеть другой документ.

– И давно вы гражданин России?

– Там, – кивнул на паспорт таджик, – все указано. – И улыбнулся.

Лейтенанту это не понравилось. Он раскрыл паспорт и вслух прочитал:

– Файзул Тавари, так, 1974 года рождения, место рождения Душанбе, регистрация, хм, Москва, улица Островитянова, семейное положение, женат, жена... – Подняв голову, лейтенант поинтересовался, пристально глядя на таджика: – На родину ездили, гражданин Тавари?

– Совершенно верно. Проведал родителей, родственников, они совсем рядом с Душанбе живут.

– И как в Таджикистане?

– Жарко, господин лейтенант.

– Что в чемодане?

– Как говорится, личные вещи. Сейчас из России подарки в Среднюю Азию везут, из Душанбе в Москву везти нечего. Даже фрукты – их и у нас много.

– Где это у вас?

– В Москве. Если вы заметили, я гражданин России и постоянно проживаю в Москве.

– Что надо, я заметил. Но вот чем-то не нравишься ты мне, таджик.

– Наверное, тем, что в паспорте не оказалось пяти тысяч рублей? Извините, поиздержался.

– А не много ли себе позволяешь в отношении представителей законной власти, гражданин Тавари?

– Да я же пошутил.

– Плохие шутки, – бросил лейтенант и повернулся к подчиненному: – Сержант, в отдел его!

– Но за что? – воскликнул Тавари.

– За неуместные шутки и для осмотра личных вещей.

– У вас на это право есть?

– У нас, гражданин, прав гораздо больше, чем ты можешь себе представить. И топай, пока сержант не скрутил тебя.

В отделе, в комнате, обустроенной для осмотра личных вещей, лейтенант заставил Тавари открыть чемодан. Сколько ни пытался страж порядка, но ничего подозрительного не нашел. Как и говорил таджик, только личные вещи.

– Упаковывай, закрывай! – кивнул он Тавари.

– Вообще-то вы все разбросали...

Сержант прервал таджика, глядя на начальника:

– Андриюх, разреши преподать урок этому абрикосу, чтобы не борзел.

– Не надо, Коля. Он и так все уже понял.

Тавари благоразумно не стал больше ни на чем настаивать, быстро упаковал чемодан и спросил:

– Я могу идти?

– Что в пакете? – вдруг остановил его сержант.

– Чай!

– Чай? – усмехнулся лейтенант. – И что же это за чай можно везти в Москву, где на каждом углу любой продается? Или он у тебя, господин Тавари, особенный? Слышал, у вас в горах частенько добавляют в обычный зеленый чай «дурь» в виде высушенного молочка маковых коробочек.

– У меня в пакете термос с чаем.

– А?! Термос?! Тогда достаем термос, открываем крышку.

Таджик как-то нервно дернулся, но подчинился.

Сержант налил из термоса в стакан еще теплого напитка, попробовал на вкус:

– Действительно чай.

– Закрывай свой термос, – проговорил лейтенант.

Тавари положил термос обратно в пакет и повторил вопрос:

– Я могу идти, господин лейтенант?

– Иди!

– Давай, давай, проваливай и благодари моего вежливого начальника, без него ты получил бы по почкам за неуважение к представителям власти, – добавил сержант.

– Это точно. До свидания, господа, счастливой службы!

Тавари вышел из отдела, затем на улицу, забитую народом, отошел в сторону, где никого не было, достал сотовый телефон и нажал клавишу вызова.

Ему тут же ответил мужской голос:

– Алло! Файзул, какого черта, я уже полчаса назад как пришел!

– Здравствуй, Федор!

– Привет! Ты где?

– Подъезжай к центральному входу, я иду туда.

– Но там не припарковаться.

– Остановись на дороге, я быстро сяду в машину.

– Ладно, поспешай, буду там через пару минут.

В 0.48 Тавари запрыгнул на переднее сиденье синей «Нивы». Российский внедорожник пошел с площади трех вокзалов в сторону третьего кольца.

По ходу движения водитель, он же Федор Корвич, поинтересовался:

– Так почему ты задержался, Файзул? Или так крепко спал, что проводнице пришлось будить тебя?

– Менты остановили на вокзале.

– Чего? Менты?

– Да. И что ты так на меня смотришь? Или в этом есть что-то странное? Таджик на вокзале – это же находка для ваших ментов.

– Но у тебя же российский паспорт.

– Но не российская внешность.

– Они досматривали вещи?

– Да, но я сам виноват, надо было сунуть тысячи две в паспорт, и этим все закончилось бы.

– И что досмотр?

– Удивляюсь я тебе, Федя! – внимательно посмотрел на Корвича Тавари.

– С чего?

- Ну если бы менты нашли у меня товар, неужели отпустили бы?
 - Да, глупость спросил. Тебя куда? К нам?
 - Нет. Выйдешь на Волгоградский проспект, где-нибудь напротив автосалонов у остановки общественного транспорта тормозни.
 - А товар?
 - Он в термосе. Термос в пакете. Сумку взял?
 - Сзади!
 - Хорошо. «Кролики» у вас готовы?
 - Вчера Батыр привез. Молоденькую парочку. Девчонку лет восемнадцати и пацана на год-два старше. Они из Украины, приехали денег подзаработать. Вот Батыр и нанял их, мол, для работы в коттедже на два месяца. Те согласились...
 - Муж и жена?
 - По документам – нет, а так – как супруги.
 - Батыр чисто их подсек?
 - Ты что, не знаешь Рината?
 - Ладно. Тормози у остановки.
- Ночью движения по городу было мало, доехали быстро.
- Отсюда-то куда пойдешь? – спросил Корвич.
 - Это не твое дело.
 - Да мне без разницы, но мог бы и в Кузьминках выйти, там такси ночью легко поймать.
 - Не беспокойся, Федя, у меня свои пути.
- «Нива» остановилась, не доезжая остановки. Корвич достал сумку, переложил в нее вещи из чемодана, а сам чемодан бросил на заднее сиденье.
- Выедешь за город, где-нибудь в болоте бросишь, – сказал Тавари.
 - Понял.
 - Товар, как говорил, в термосе. Передай Батыру, пусть сразу начинает эксперимент, и не вздумайте сами пробовать. Через месяц подохнете, как тараканы после дуста.
 - У нас есть, чем душу греть и настроение поднимать. А тут еще хохлушка ничего попала, тощая только, и дружок ее тощий, но жилистый. До парней у нас тоже охотник имеется.
 - Бордель, короче, – усмехнулся Тавари.
 - Мы же в цивилизованной Европе живем, а значит, и ценности у нас европейские.
 - Ну-ну. Дело не загубите. Отвечать придется не по-европейски, а по-азиатски. А у нас, как знаешь, с этим жестко. Все. Пакет сзади, от чемодана избавься, я завтра обратно в Таджикистан, вы же работайте. И сидите в своей цивилизованной деревне тихо. Придет время, Сангал позвонит Батыру. Ему привет, тебе до свидания! – бросил таджик и вышел из машины.
- «Нива» пошла вперед к перекрестку. Проводив ее габаритые огни, Тавари вновь достал телефон, набрал номер:
- Умед? Я освободился.
 - Где забрать?
 - Езжай по Волгоградке в сторону Ледового дворца, справа на остановке увидишь.
 - Понял, я недалеко, на выезде с третьего кольца.
 - Давай. Жду.
- Вскоре у остановки встал новенький «БМВ». Тавари взобрался на переднее сиденье, пожал руку водителю:
- Салам, Умед! Извини, по телефону не поздоровался.
 - Салам, Файзул! Ничего. Не до формальностей. Домой?
 - Да! Ты все приготовил, как я просил?
 - Конечно. Ужин из узбекского ресторана привезут, шлюшка на квартире ждет.
 - Блондинка?

– Как ты просил, грудь – четвертый размер, ну и все остальное, как любишь.

– Хорошо. Билет на самолет?

– Завтра, вернее, уже сегодня, в 10 часов, мне подвезут. На какой рейс, не знаю. Но завтра уже будешь в Таджикистане.

– Хорошо. Звони в ресторан. Пусть выезжают с пловом на квартиру. Мы приедем быстрее. Хотя мне надо еще душ принять, так что из хаты позвонишь.

– Понял.

«БМВ» проехал до места разворота, развернулся и пошел в сторону центра.

«Нива» же выехала к Ледовому дворцу. Там у работающего павильона Корвич остановился. Захотелось пить. Накануне день рождения одного из поделщиков, Степана Ванько, отметили. День мучился похмельем, до сих пор остались головная боль и жажда.

Он купил бутылку минеральной воды, ополовинил ее, затем запил две таблетки аспирина и почувствовал себя легче. Набрал по сотовому телефону номер. Несмотря на позднее или раннее время, это кому как, абонент, он же Ринат Батыров, ответил практически тут же:

– Слушаю!

– Не спишь?

– Что у тебя?

– У меня все ништяк. Товар в машине, сам на Волгоградке. Еду к МКАД.

– Встреча прошла без происшествий?

– У Файзула был инцидент с ментами.

– Что за инцидент?

– Он не стал вдаваться в подробности. Лишь то, что «мусора» тормознули, проверили документы, вещи и отпустили. С товаром порядок.

– За тобой не смотрят?

– Нет! Кому я нужен на своей «Ниве»?

– Ну «Нива», скажем, не твоя, но ты, перед тем как свернуть к деревне, хорошенько проверься, нет ли за тобой «хвоста». Дело очень серьезное. Сейчас на Загородном шоссе машин не должно быть, провериться можно легко.

– Ты это мне говоришь, Батыр?

– Нет, себе! Все, жду!

Батыров отключился. Выключил телефон и Федор Корвич.

Он завел двигатель и повел «Ниву» к МКАД. На окружной дороге тоже было мало машин, поэтому десять километров Корвич прошел минут за восемь, свернул на развязку и оказался на Загородном шоссе. Вот там попал в поле зрения инспекторов поста ДПС. Те ввиду загруженности транспортного потока и отсутствия фур, большинство из которых встали на ночевку, тормозили всех проезжавших по шоссе. Проверка документов, обнюхивание, все, как положено. Инспектор, видя, что сорвать с водилы нечего, вернул документы, козырнул и, зевнув, распорядился:

– Можете ехать!

Пройдя двадцать километров, у старого кладбища Корвич свернул направо, и «Нива» затряслась на ухабах. Дорожное полотно примыкающей дороги оставляло желать лучшего.

Он миновал село, зону отдыха, въехал в лес и оказался в глуши, это в каких-то сорока километрах от Москвы. Начались болота, дорога превратилась в «стиральную» доску. Проехав еще тридцать километров, за старым деревянным мостом через речку Макинку он въехал в брошенную деревню с одноименным названием. Здесь местность не привлекала застройщиков элитного жилья, а распад колхоза привел к тому, что молодежь, побросав дома предков, подалась на заработки в столицу. В итоге, по мере того как старики отправлялись на местный погост, деревня вымирала, пустела. Дошло до того, что в Макинке остался всего один житель, Гордей Григорьевич Пешин, или дед Гордей, так как этому жителю стукнуло уже семьдесят

лет. Несмотря на годы, он мог обеспечивать себя. Правда, приезжал и внук, раз в неделю или в две, завозил деду продукты, но в основном дед Гордей обеспечивал себя сам. Сажал картофель, овощи, собирал грибы, ловил рыбу, которой в речке Макинке водилось в избытке. Сюда не приезжали рыбаки, не ставили сети, вода не загрязнялась отходами крупных предприятий. Последний раз внук приезжал до того, как в деревне объявились пришлые люди. Пять мужчин и одна женщина. Они представились беженцами из Средней Азии, поколесившими по просторам России и решившими осесть в брошенной деревушке, благо довольно крепкий дом на самой околице у реки взяли почти даром. Владелец по документам, обосновавшийся в столице, рад был хоть что-то получить за брошенный дом. Пришлые заявили, что собираются восстановить ферму и разводить различную живность. Дед Гордей поверил, во многом благодаря тому, что недавно видел по телевизору фильм о таких вот энтузиастах, что приехали в брошенную деревню где-то под Нижним Новгородом и развернули дело. А вскоре начала возрождаться и деревня. Дед Гордей предложил свои услуги. Старший из переселенцев, рябой азиат Ринат, только посмеялся, но пообещал деду место сторожа, если тот доживет до того времени, когда будет построено то, что требует охраны.

Приезжие жили в деревне чуть больше недели и в основном занимались обустройством собственного жилья, не обращая никакого внимания на разрушенную ферму. Но дед и этому соседству был рад. Хоть кто-то живет рядом. У них две машины, иномарка «Тойота» и «Нива», баба на хозяйстве, если что, в беде не оставят, по крайней мере, до больницы довезут. Да и одному оставаться на зиму несподручно. Придет весна, тогда и развернутся приезжие. Так думал дед Гордей, занимаясь своими делами.

«Нива» остановилась у перекошенных ворот в 3.10.

Из дома вышел Батыров.

– Нормально все? – спросил он у Корвича.

– Нормально, если не считать, что задолбался с этой встречей.

– Отдохнешь. Где контейнер?

– На заднем сиденье, в пакете. Черт, забыл чемодан выбросить.

– Какой чемодан?

– Файзул оставил, просил притопить в болоте. Забыл.

– Ничего, сожжем здесь. Сухостой будем жечь, и чемодан туда же. Бери пакет и в хату.

Там картошку Валька пожарила, курицу отварила. Перекусишь.

– А как насчет самогонки? Весь день болел.

– Будет тебе и самогон.

– А с кем пить, если все спят? Ты же не будешь?

– Я не пью. Но одному не придется, Степан не спит. Того вообще весь день выворачивало, успокоился под вечер, похмелился, и опять вырвало. Сейчас на кухне проталкивает сивуху.

– Это другое дело.

Батыров и Корвич с пакетом, бросив «Ниву» у ворот, прошли в пятикомнатный дом.

На кухне за столом сидел бледный Ванько.

– Что, Степа, хреново? – спросил Корвич.

– Не говори, Федя, вымотало похмелье.

– Сейчас, погоди, помогу.

– Чем поможешь-то, Федька? Рот кляпом заткнешь? Так все одно сивуха выбьет.

– А я способ один знаю, как поступать в этих случаях. Сам раньше мучился.

– Идем в мою комнату, Федя, Степаном позже займешься, – прервал разговор подельников Батыров.

– Не скучай, я быстро, – бросил Корвич Ванько и прошел в комнату. Там присел на диван, поставил на стол пакет и кивнул на него:

– В термосе дурь.

Батыров достал термос, огляделся, увидел кадку давно завядшего цветка и вылил туда чай. В кадку упал и небольшой запаянный пластиковый пакетик. Он забрал пакетик и, подойдя к столу, вскрыл его ножом. На стол скатилось несколько белых таблеток, с виду обычных, вроде аспирина, только на одной стороне была выдавлена грива индейца.

– Почему индеец? – взглянул он на Корвича.

– А мне почем знать? Вроде все наркотические таблетки помечают.

– Как товарный знак. Ладно. Наша хохлота спит, с утра начнем давать.

– А если не пожелают принимать? В рот будем заталкивать?

– Для начала пару штук измельчим в порошок и в чай добавим! – подумав, ответил Батыров.

– А не получится так, что чай нейтрализует их действие?

– Хрен его знает. Курьер по этому поводу ничего не говорил?

– Нет!

– А надо было спросить.

– Мне только до этого и было.

– Добрался-то нормально?

– Гаишники тормозили, нормально все.

– «Хвоста» точно не было?

– Нет, не было. Как свернул к деревне, так ни одной машины, ни попутной, ни встречной.

– Похоже, все прошло, как и планировалось.

– Тебя Сангал не инструктировал по поводу этой новой дряни?

– Сказал, что это очень сильный наркотик, называется «эфербон». Это даже не наркотик, а психотропное оружие.

– В смысле? Убивает, что ли, сразу?

– Нет. Убивает через месяца два, в зависимости от пола и организма наркоши. Эта дурь вызывает сначала сильнейший кайф, зависимость после первой же таблетки, а потом действие ее непредсказуемо. Эфербон пока не прошел испытания, сразу к нам опытную партию бросили.

– Откуда же тогда известно, что таблетки убивают через два месяца?

– Я не так выразился, в массовом порядке не испытывали, скормили партию одному аборигену, тот через два месяца и загнулся. До этого кайфовал, потом ломался, просил дозу. Как-то не дали вовремя, так он башку себе об пол разбил. Но ладно, как все же накормить эфербоном наших «кроликов»?

– А ты всем по таблетке дай, только нашим обычные таблетки, а хохлятам эфербон! Мол, по радио слышал, грипп распространяется в области. А это пилюли для профилактики.

– Правильные слова говоришь, Федя, так и сделаем, – кивнул Батыров. – Ты поужинай да ложись отдыхай. Завтрак в восемь, тебе оставим, поспи хорошенько, нам спешить некуда.

– Добро! Пойду, помогу Ванько.

– А у тебя действительно рецепт есть, как блевотню остановить?

– Да какой рецепт, отец научил. А его – дед. У нас в роду все мужики употребляли так, что после запоя встать не могли. Лежа, вовнутрь водки или самогона загоняли.

– Давай! Я лягу.

– Звонить Сангалу не будешь?

– Сейчас? Посмотри в окно. Позже позвоню. Не любит он, когда от сна отрывают, злой просыпается.

– Все злятся, когда не дадут выспаться. Ладно, пока, спокойной ночи.

– Спокойной ночи!

Корвич прошел на кухню. Ванько сидел перед наполовину опустошенной литровой бутылкой самогона и полным стаканом. Глядел на мутную жидкость и икал. Завидев Корвича, рванулся к помойному ведру. Вернулся за стол еще бледнее:

– Нет, Федька, так невозможно. Сейчас пивка бы.

– Пивка для рывка?

– Ну да. Сначала чего-нибудь легкого, можно «бормоты». А тут «первак», мать его, вчера шел, как по маслу, а сегодня от одного запаха выворачивает. Ты чего говорил о способе?

Корвич присел перед подельником, достал пачку сигарет, закурил, стараясь пускать дым в сторону форточки:

– Может, перетерпишь, Степан? Отлежишься, хреново еще день от силы будет, потом отпустит.

– Ага! А за этот день «белочка» и явится.

– Это может быть, – согласился Корвич. – Ну что ж, попробуем средство.

Он достал из навесного шкафа пачку соды, насыпал порошка в кружку, открыл чайник, тот был теплым. Налил в кружку воды, поставил ее рядом со стаканом.

– И чего? – взглянул на него Ванько.

– Пей.

– Что пить-то? Соду, что ли?

– Соду!

– Так от нее хлеще, чем от сивухи, вывернет.

– Запоминай. Берешь кружку с содой и стакан с самогоном. Идешь к параше, пьешь соду.

После того как вырвет, залпом глотай самогон и думай о том, что лимон грызешь.

От одной этой мысли Ванько передернуло. Физиономия скривилась в гримасе.

– Лимон? Тьфу, блин, только представил, а уже полный рот слюны.

– Давай! Если, конечно, хочешь в себя прийти.

– Ну, Федя, если подкальываешь... не обижайся, – вздохнул Ванько.

– Да разве на таких обижаются, Степа?

– Ты это о чем?

– Не о чем, а о ком, разве ты сейчас не болен?

– А?! Подумал о другом.

– Ты еще и думать в этом состоянии можешь?

– Пытаюсь. Ладно, проэкспериментируем, все одно, хуже быть не может.

Ванько сосредоточился, взял кружку и стакан, присел на корточки перед мусорным ведром, выпил содовый раствор. И тут же чуть ли не всю голову засунул в ведро. Сода вылетела залпом реактивной установки. Он рывком проглотил самогон, кинулся к столу, скривившись, прикурил сигарету. Сделал затяжку, замер, ожидая реакции организма, а спустя секунду громко икнул и облегченно вздохнул:

– Ух, кажется, провалилась.

– А ты сомневался. Все, сейчас полегчает.

– Уже полегчало, надо закрепить, – потянулся было Ванько за бутылкой, но Корвич забрал ее:

– Все! Покури и ступай спать. Проспишься, мутить будет, но недолго, перетерпишь, и больше столько не пей.

– Дай прийти в себя, Федька.

– Ты уже пришел. Толку, если опять нажрешься? Завтра так же висеть над парашей будешь, и сода уже не поможет. А «белочка» в гости запросто заглянуть может.

– Мало!

– Нормально.

Корвич спрятал бутылку в шкаф, в умывальник отправил стакан и кружку.

– Как съездил-то, Федя? – спросил Ванько, докуривая сигарету.

– Нормально съездил.

– Товар привез?

- Ты что, Степа, начальник, чтобы допросы устраивать?
- Да я просто так спросил.
- Не надо задавать лишних вопросов. И кури быстрее, мне еще пожрать надо да выспаться. Тебе, кстати, тоже.
- Жрать не хочу!
- Я про сон.
- Днем выспался. Кемарну немного. Но ты ешь, или я мешаю?
- Черт с тобой, сиди.

Батыров встал в шесть часов. Впрочем, эту ночь он вообще не спал. Доставка товара – дело очень ответственное и серьезное. За получение наркотика отвечал именно он, Батыров. И отвечал головой, так как вернуть деньги, затраченные на производство даже опытной партии нового наркотика в Афганистане, он не мог ни при каких раскладах. Мог бы расслабиться, когда вернулся Корвич, да не вышло. Сон не приходил. Провалившись на кровати часа три, он поднялся, присел за столик, на котором лежал кейс, отодвинул занавеску окошка, выходящего в заброшенный сад. Там никого, только птицы весело щебечут, прыгая с ветки на ветку, сбрасывая на землю спелые яблоки и груши. Им-то что, никаких забот. Лишь бы не попасть в лапы местного одичавшего хитрого кота, который даже деда Гордея не признавал. Правда, когда единственный в деревне местный житель рыбачил, то котяра находился поблизости. Сидя в траве или кустах, он внимательно смотрел на рыбака. Дед пытался подзвать его к себе, кот не шел, но стоило Гордею отвлечься, как зверек выскакивал из укрытия, хватал рыбу покрупней и исчезал в траве. Сейчас и кота не было видно. Надо отловить его да прибить, нервирует. Задержав занавеску, Батыров открыл кейс. Внутри находилась современная японская спутниковая станция и сотовый телефон с каким-то секретом, который работал через станцию. В технические дела он не вникал. Ему показали, как надо пользоваться станцией и телефоном, дали номер, коды, и этого хватало.

Сколько сейчас времени в Горном Бадахшане Таджикистана? Если здесь 6.10, то там 8.10. Не рано ли беспокоить Сангала? Может, тот и не спит, но торопиться не следует. Курьер, что доставил наркоту в Москву, наверняка еще ночью доложил. Но и он должен сообщить Сангалу, что получил таблетки.

Батыров положил телефон, вышел из комнаты, закрыв ее на ключ, присел на лавочку во дворе, прикурил. Рановато еще звонить Сангалу, надо подождать. Тут на крыльце появилась баба, помощника Жоры Селихова, Валентина Репина. Аппетитная особа, не состоявшая с Георгием в официальном браке. И вообще, Валентина была чисто плотной, хорошей хозяйкой. Видно, ей не хватало ласк Георгия, так как Ринат частенько ловил на себе ее голодный взгляд, но пока лишнего не позволял себе. Время покажет, оставаться ей с Жорой или жить с ним.

- Доброе утро, Ринат, – стрельнула она по нему взглядом.
 - Доброе, Валентина.
 - На завтрак сделать, как обычно?
 - Что? На завтрак? Да.
 - Ну, тогда к восьми часам все будет готово.
- Покачивая бедрами, она без стеснения пошла к сортиру.
- Валя! – хрипло окликнул ее Батыров.
 - Да, Ринат.
 - Подойди, присядь, дело есть.
 - С удовольствием, – присела она рядом.
 - Муж спит?
 - Ринат! Какой муж? Я никогда не была замужем.
 - Но живешь же с Георгием?!

– Живу, а куда деваться, на рынке Артур, хозяин комка, мне проходу не давал. У самого жена красавица, пятеро детей, а все ко мне приставал. Надоело мучиться, вот и ушла к Георгию. А у тебя ко мне дело?

– Да дело такое, Валя. Ты знаешь, для чего мы здесь. Также тебе известно, почему с нами живет молодая парочка. Кстати, как она тебе?

– Парень вроде ничего, а девка... Не люблю я худых. Толку от них мало. А эта Лена вообще непонятно зачем в Россию приехала. Какой из нее работник? Ну если только сиделкой за каким-нибудь паралитиком, да и то не потянет.

– Понятно, симпатии к девочке ты не испытываешь.

– Не испытываю.

– Значит, и жалеть не будешь.

– Ты о чем, Ринат? – удивленно посмотрела она на Батыра.

– Я подумал и решил, что ты будешь приглядывать за девчонкой, когда мы начнем работать с этой парочкой.

– Приглядывать? Это когда же? Мне и в доме прибраться надо, и постирать, и жратву на всю ораву сварить.

– Присматривать не означает сидеть с ней. Просто иногда заходить в подвал – хохлята будут сидеть отдельно, – интересоваться, как она себя чувствует, что ей хочется, в общем, иногда проводить ее, заодно проверяя, надежно ли она закрыта. Камеры ты видела. Это не займет много времени, от силы полчаса между делами.

– И все равно, Ринат, лишняя работа.

– Ты совершенно права, – усмехнулся Батыров. – Кому нужны лишние проблемы? А вот работа лишней не бывает. Как ты посмотришь на то, чтобы за эту дополнительную нагрузку получить, скажем, пятьсот долларов?

– В месяц?

– В неделю, Валя, в неделю.

– Так это совсем другое дело, но Жора не должен знать об этих «бабках».

– Как скажешь.

– Пятьсот долларов в неделю – это две штуки в месяц, так?

– Примерно.

– Мне нужны деньги, я согласна.

– Отлично, а скажи, кое-что еще за отдельную плату ты сможешь сделать?

– Договоримся!

– А Жора?

– Но ты же здесь главный?

– Верно. Значит, договоримся?

– Конечно, но смотря сколько и конкретно за что.

– Само собой.

– Все? Я могу заниматься хозяйством?

– Подожди. Сегодня мне нужна будет твоя помощь. До или после завтрака надо будет дать нашей парочке таблетки. Чтобы это выглядело естественно, таблетки придется давать всем. Только одни безвредные – нашим людям, специальные – молодежи. И вот здесь может возникнуть проблема, зачем, мол, пить какие-то таблетки.

– И действительно, зачем? – усмехнулась Репина.

– Я скажу, что в области ждут эпидемию гриппа, везде жителей прививки заставляют делать. Мы, понятно, в больницу поехать не можем, но и в райцентре очередей за этими прививками нет, народ больше в аптеках берет препараты, что рекламируют по телевизору. Вот и я купил пилюль. На всякий случай.

– Ну, а я-то тут при чем?

– Ты ездила с Федором за продуктами, так?

– Да!

– Подтвердишь, что люди реально покупают всякие пилюли в аптеках, вместо того чтобы идти на прививки. Скажи, мол, заходила в аптеку, там народ всякие «антигриппины» упаковками берет.

– И всего-то?

– Да, надеюсь, за это ты отдельную плату не запросишь?

– Нет! За это не запрошу. А вот то, на что ты намекал, обойдется тебе недешево. Ну что, все уже?

– Да, теперь все! Ступай, занимайся хозяйством.

– Уговор, Ринат, помни о наших делах и особенно о «бабках», Жора ничего не должен знать!

– Конечно, дорогая!

– Уже и дорогая?

– Так посчитай, во сколько ты мне обойдешься.

– Ну если так, то не дешевая! Ладно, пошла, а то не успею все сделать ко времени.

Репина скрылась в доме, и тут Батыров вспомнил, что ему надо звонить Сангалу. Он поднялся, прошел в свою комнату. Присел на стул, открыл кейс и вытащил телефон. Код активации аппаратуры и номер абонента в Таджикистане он помнил наизусть. В трубке послышались сдвоенные длинные гудки, а потом раздался мужской голос с восточным акцентом, немного искаженный помехами:

– Салам, Ринат!

– Ва аллейкум, уважаемый Анзур! Как твои дела?

– Мои неплохо, как твои?

– Ночью «гостинец» был доставлен.

– До тебя, значит, дошел благополучно?

– Да!

– Тавари сообщил мне, что передал «гостинец», я беспокоился о доставке его тебе.

– Все хорошо, он у меня. Через час, может, немного позже, начну давать его «кроликам».

– Ты вот что, Ринат, будь аккуратен, дай им сначала по половине таблетки.

– Почему?

– Тут такое дело. До тебя звонил Хатини. Оказалось, нам переправили препараты из последней экспериментальной партии. Они сильнее обычного эфербона, хотя в основе имеют одни и те же ингредиенты. Профессор спутал препараты и нам отправил те, что еще не проверялись на людях. Не исключено, что даже первое применение таблеток может вызвать смерть. Поэтому Хатини просил уменьшить дозу, хотя и действие половины обычной дозы предсказать невозможно.

– Ты ставишь меня в сложное положение, – вздохнул Батыров. – Как мне объяснить «кроликам», что за половину таблетки я им даю?

– А как ты хотел объяснить про целые пилюли?

– Необходимостью приема «антигриппина», так как в области якобы объявлена угроза эпидемии, а прививки мы сделать не можем.

– Понятно. Ну и что сложного, дай всем по половине таблетки. С этого, мол, начнем, так как препарат стоит дорого из-за дефицита. У нас вообще лекарств нормальных нет, а за нужные приходится платить бешеные деньги.

– Хорошо, сделаю, как ты сказал.

– И усиленное внимание за «кроликами». Их поведение непредсказуемо.

– Я удивляюсь, Анзур, ты берешься за новую наркоту из Афганистана, которая не доведена до конца. Зачем? Ведь есть же проверенный героин, гашиш, опиум, наконец. То, что мы без проблем прогоняли по торговым точкам российских городов. К чему что-то менять?

– Это, дорогой, не твое дело.

– Я понял тебя!

– С финансами проблем нет?

– Нет. С этим все в порядке.

– Ты обналичил счета?

– Да.

– У тебя крупная сумма, не боишься, что кто-то из подчиненных решится нагреться на них?

– Ты же знаешь, Анзур, я ничего и никого не боюсь. И за деньги не опасаюсь. Они в сейфе типа «Фугас». Можно, конечно, попытаться открыть его, но без введения кода это вызовет подрыв ящика. А код из меня даже клещами не вытянуть. Да и нет в группе таких, кто был способен на самовольство. Мои люди вполне довольны той суммой, что обещана им за работу. Это же годовая зарплата чиновника среднего ранга.

– И все же будь осторожен.

– Конечно, Анзур.

– О результатах первого приема препарата немедленный доклад мне. Где-то через час после того, как «кролики» проглотят по половине таблетки.

– Да, Анзур.

– Удачи тебе, Ринат.

– Тебе того же, до связи!

– До связи!

Выключив трубку и положив ее в кейс, Батыров предался воспоминаниям. Он давно был знаком с Анзуrom Сангалом, со времен затяжной фазы гражданской войны в Таджикистане, когда против правительства действовали разрозненные группы и отряды непримиримой оппозиции. Батыров, имея прозвище и позывной «Батыр», воевал в группе Сангала. До этого он был в отряде полевого командира Махмуда. После разгрома отряда под Курган-Тюбе, когда Батыров выжил благодаря случайности, он ушел в Горный Бадахшан. Там тоже случайно встретил Сангала. Тот предложил опытному моджахеду место в группе и хорошее вознаграждение за службу. Батыров остался. Недолго он проходил в рядовых. Проведя ряд успешных операций, стал помощником Сангала, затем его заместителем. После того как был установлен мир, Сангал быстро сориентировался. В его родном селении Башан, что находится на берегу Пянджа, практически на самой границе с Афганистаном, еще с войны восьмидесятых годов торговал наркотиками местный барон, Батыров уже и имени его не помнит. Барон подмял под себя почти весь район, имел четырех жен, целый гарем из наложниц. На него работали люди всех близлежащих селений. Барон был умным человеком, но все же допустил ошибку, считая, что на его бизнес никто не может посягнуть. Он надеялся и на собственную охрану, и на прикрытие высоких чиновников, и на установленные связи с душманами Афганистана. Подобная уверенность порой пагубно влияет на человека, Барон слишком расслабился. И тогда группа Сангала внезапно атаковала Башан. Барон и его ближайшее окружение были уничтожены. Сангал объявил себя преемником Барона, ожидая и готовясь к жестким ответным действиям. Но они не последовали. «Крыша» в Душанбе в конфликт вмешиваться не стала, так как Сангал обещал платить продажным чиновникам вдвое больше, местным он сделал значительные послабления и выделил деньги на обустройство личных хозяйств. Репутация Сангала как опытного и смелого командира, что подтвердилось организацией захвата бизнеса непримиримого и влиятельного, как казалось, Барона, только укрепились, и это устроило и наркоторговцев в Афганистане. Жены Барона стали женами Сангала, он заимел и нужных людей. И дело пошло в гору. За все

время, а это более пяти лет, возникла всего лишь одна серьезная проблема. Оптовые покупатели затребовали снизить и так смехотворную цену на традиционно реализуемую в России и странах ближнего зарубежья наркоту. Пришлось прибегнуть к услугам Батырова. Тот выехал в Москву, и там за одни сутки исчезли трое основных покупателей. Батыр же нашел новых, с более умеренным аппетитом и развитым инстинктом самосохранения. Он хотел уже вернуться в Башан, но Сангал передал ему новое дело. То дело, которым он занимался сейчас. Сколотить банду не составило труда. Кого именно привлечь, ему подсказали из Таджикистана. И только «кроликов» пришлось брать случайных. Но это уже не люди!

И вот первая партия новейшего наркотика, обещавшая принести баснословные, по заверению афганских партнеров, деньги. Сангал не пожалел средств на группу Батыра, и в сейфе его заместителя, в комнате дома заброшенной деревни, лежали двести тысяч евро, сто тысяч долларов и два миллиона рублей. На счетах же Батырова в Турции, Катаре и Бахрейне – в пять раз больше. Вроде вполне достаточно для безбедной жизни. Но Батыров хотел еще столько же. А потом... потом можно и на отдых в теплую страну. Ведь ему только сорок восемь, два года на работу с эффербоном, и можно «на пенсию», куда-нибудь на Мальту или на один из Мальдивских островов в окружении очаровательных наложниц, готовых выполнить любое желание господина. В пятьдесят лет – самое то...

От воспоминаний его оторвала заглянувшая в комнату Репина:

– Ринат, завтрак.

– Собирай всех и предупреди о приеме лекарств, я все подготовлю и подойду!

– Хорошо. А как насчет аванса за работу с «кроликами»?

– Я не знаю, что такое аванс, советую и тебе забыть об этом, будешь получать деньги в пятницу каждой недели. Наличными.

Валентина фыркнула и ушла. А Батыров достал из сейфа пакетик с наркотическими таблетками, две из них разделил ножом пополам, то же самое проделал с обычным аспирином, что находился в аптечке. Приготовив снадобье, он спустился на кухню, где за одним большим столом сидели поселенцы этого дома: Селихов, Борисов Алексей и «кролики», как их называли наркоторговцы, – Елена Лепко и Виктор Карасенко. Отсутствовали только Корвич и Ванько, отдыхали после бессонной ночи. Валентина выставила на стол блюда, бросая похотливый взгляд на Батырова. Тот присел во главе стола, выложил перед собой половинки таблеток – четыре справа, две слева, – и произнес:

– Минуту, господа!

Все повернулись к нему.

Глава вторая

*Афганистан, кишлак Рахнуд
недалеко от Файзабада, та же среда,
3 сентября, 14.00*

Афганский барон Асад Хатини вместе со своим помощником Галалом Джаваром прогуливался по саду, где располагалась секретная лаборатория по изготовлению нового наркотика, получившего название «эфербон». Метрах в десяти поодаль от главарей наркобизнеса следовал личный телохранитель Хатини, Ихаб Булуди.

– Звонил Сангал, – проговорил Хатини, – эфербон доставлен на подмосковную базу, на завтрак сегодня подопытным дали половину препарата, который по ошибке профессор передал курьерам.

– И как подействовал эфербон?

– Сангал доложил, что, со слов его человека, руководителя группы, это было нечто. У людей Сангала для экспериментов двое молодых украинцев, приехавших в Россию подзаработать, парень и девушка. Так вот, сначала оба упали на пол, испытывая сильнейший удар удовольствия, как при приеме дозы чистого героина, затем парень полез на девушку. Ринат неправильно понял намерения парня и приказал своему человеку откинуть его от девушки. Но тот словно с ума сошел. Набросился на человека Анзура, откуда только силы взялись, и едва не порвал ему горло. Пришлось вырубить юнца. Но это еще не все, следом за парнем в бой кинулась и девица. Ее тоже успокоили ударом по голове. После чего обоих растащили по разным камерам и закрыли.

– И это с половины таблетки?

– Вот именно. Сейчас за «кроликами» наблюдают. Вечером Сандал должен поделиться данными наблюдения.

– Это уже не наркотик, Асад, это оружие, – заметил Джавар.

– Ты прав, Галал, – кивнул Хатини, – нашим специалистам удалось достичь сразу двух целей: создать наркотик – в обычной дозировке и грозное оружие, усилив его добавками. Изначально рассчитывали, что добавки сделают наркотик опаснее, но мягче, а вышло, что мы заполучили практически психотропное оружие. Представляешь, если этими усиленными таблетками накормить боевой отряд перед боем? Так он порвет любого противника в приступе ярости. Люди под этим наркотиком, не раздумывая, пойдут на смерть, ибо страха не испытывают. Полное помутнение рассудка в виде яростной агрессии. Надо только определиться с дозировкой для каждого конкретного случая. А это, мой друг, уже другое дело. И цены препарата совершенно другие.

– Это так, Асад, – покачал головой Джавар, – но я не понимаю, зачем ты организовал эксперименты на живом материале в России? Разве здесь не проще было довести препарат?

– Ты знаешь, что я и не думал засылать в Россию усиленный вариант эфербона, только обычный, но профессор спутал таблетки. Хотя в принципе это не меняет причин, почему я решил проверить наркотик на «кроликах» в России.

– И что за причины?

– Ты должен был сам догадаться, – усмехнулся наркобарон, глядя на заместителя.

– Извини, не догадался.

– Хорошо, объясню. Переброска героина – дело уже устоявшееся, у нас налажен трафик, есть покупатель, курьеры, что переправляют партию через Пяндж.

– По-моему, Асад, речь шла об эфербоне, а не о героине.

– Не спеши, слушай. Героином здесь занимаемся только мы, в нашем районе. И это известно как официальным властям, так и американцам, которые возглавляют силы по содей-

ствию безопасности в Афганистане, или как их там называют. Они нас не трогают. Почему? Ответ очевиден. Американцам выгодно, чтобы в Россию шел непрерывный поток всякой наркоты. А вот о том, что у нас появилась своя лаборатория, знает только узкий круг лиц, кроме меня, тебя, поляков. Возможно, кое-какая информация просачивается, все же охраняют лабораторию бойцы, с которых не брали клятвы о молчании, дабы не получить обратный эффект. Но это все ерунда. Мало ли что изобретают эти ученые? Но если мы стали бы доводить препараты здесь, в селении, то для этого нам потребовался бы живой материал. Согласен?

– Это очевидно. И это не проблема.

– Ты прав, не проблема захватить какое-нибудь небольшое село под видом талибов или наших новых хозяев из так называемого ИГИЛ. Либо купить рабов у них. Но... это уже засекретить полностью не удалось бы. Раз нужны «кролики», то не для героина же, а для чего-то нового. И вот тут к нам проявился бы интерес и со стороны ИГИЛ, и со стороны американцев. Что это такое задумали мы с тобой, явно не благотворительное, если нам потребовался живой материал? Эксперименты могут дать непредсказуемые результаты. Появились бы трупы, и тогда нас бы накрыли, Галал. ИГИЛ установил бы такой налог, что от прибыли остался бы пшик, если вообще не поставили бы своего человека, забрав весь бизнес. Американцы, выбрав удобный момент, захватили бы лабораторию, специалистов и препараты. А заодно, для объяснения своих действий, покروшили бы кишлак в мелкую капусту. О новом наркотике узнали бы и русские. Они наверняка быстрее всех и перекрыли бы канал трафика через Таджикистан. Так что, организуй испытания и доводку эфербона здесь, мы недолго бы продержались. Другое дело, когда препарат уходит в Россию, и там, под носом у спецслужб, завербованные и мотивированные люди делают то, что невозможно делать здесь. Результат тот же, последствия получения результата радикально разные.

– Я все понял, Асад, ты мудрый человек, – кивнул Джавар, – и поступил так, как не додумался бы поступить никто, по крайней мере, из наших конкурентов.

Хатини были приятные лстивые слова заместителя.

– Я много думал, Галал. Перед тем как что-то начинать, надо все хорошенько взвесить и просчитать максимальное количество вариантов вероятного развития событий, связанных с делом. Причем начать просчет с самых неблагоприятных последствий.

– Это еще раз подтверждает мои слова.

Наркоторговцы вышли к лаборатории, размещавшейся в одном из обычных домов кишлака, принадлежавших Хатини.

– Сегодня в ночь мы должны бросить Сангалу очередную партию героина. К этому все готово?

– Да, Асад. Товар переведен в Дурм. Нури, старший всей группы, и Файсас находятся здесь, в Рахнуде, в доме вдовы Хурама Гайды. Нури ждет партию эфербона, поляки обещали до 17 часов подготовить пакетики с таблетками.

Хатини указал на скамью у глиняного дувала под развесистой чинарой:

– Присядем, Галал, жарко, в тени поговорим.

– Может быть, чаю?

– Да, освежиться не помешает.

– Ихаб, подай термос, – повернувшись к телохранителю, приказал Джавар.

Булуди подошел к скамье, на которой устроились главари, передал термос с зеленым, немного сдобренным ханкой – легким наркотиком, чаем.

Освежившись, продолжили разговор. Вернее, Хатини поинтересовался:

– Ты связывался с Сангалом?

– Конечно. Он обещал, что в ночь будет ждать курьеров.

– Ты объяснил ему, как следует распорядиться эфербоном?

– Да, спрятать в тайнике. Мы и дальше будет передавать эфербон за «речку»? Не опрометчиво ли это? Доводку в Подмоскowie проводят люди Сангала. Он узнает о результатах и поймет, что представляет собой новый наркотик.

– Мы будем отправлять Сангалу обычный эфербон, боевой, так называемый усиленный препарат, складирруем здесь. Это позволит защитить наших курьеров, когда мы сами раскроем информацию о имеющемся у нас очень эффективном психотропном оружии. Не сделай мы этого, нас просто уничтожат. Те же американцы или «друзья» из ИГИЛ. А так придется им получить у нас весьма дорогостоящий препарат.

– Но наши так называемые друзья могут просто забрать у нас специалистов, и те станут делать боевой эфербон для них.

– Кто же оставит поляков живыми, как только испытания препарата будут завершены, а вся документация по изготовлению смертельного наркотика надежно спрятана? И не в памяти компьютеров.

– Вот почему ты приказал изъять из селения любые электронные устройства?

– Да! Телефоны, спутниковая станция и компьютер только у нас с тобой. У других нет даже дешевых мобильных.

– Я еще раз убеждаюсь в твоей мудрости.

– Мне, Галал, уже шестой десяток пошел. Я многое видел, воевал с русскими, с американцами, организовал с твоей помощью бизнес с нуля. С годами пришел опыт. Но к делу. Значит, и Сангал, и наша группа курьеров готовы для переброски наркотика?

– Да, Асад!

– Я попрошу тебя лично проконтролировать нашу акцию.

– Хорошо. Я выеду в Дурм вместе с Файсасом.

– А он, я имею в виду Файсаса, неплохо устроился. Гайда, вдова погибшего Хурама, весьма привлекательная женщина. И дом покойный Хурам поднял крепкий, да и денег вдове оставил немало. Вот только одного не пойму, что, красавица Гайда не нашла себе лучшего, чем Файсас, мужчину?

– А разве у нас женщина может выбирать?

– Выбирать нет, отказать может. Если вдова. Но она не отказала.

– Но и ты, как хозяин кишлака, не взял ее к себе и не отдал другому, более достойному воину.

– Не до нее! Впрочем, изменить все недолго. Хочешь взять себе Гайду?

– Нет! Мне своих женщин хватает.

– Ну тогда пусть живет с Файсасом. Мне она тоже не нужна, и вообще заниматься этими делами не время. Пройду в лабораторию, посмотрю, как работают поляки, поговорю с ними.

– Они наверняка заведут разговор о повышении вознаграждения, так как лучше всех понимают, ЧТО они создали и сколько это может стоить на рынке.

– Ну и что? Неверным можно обещать что угодно, все одно не платить.

– Но деньги на счета переводить придется.

– Переведем, благо сумели убедить их открыть счета в Пакистане. Из Польши мы их не вернули бы, а из Исламабада – без проблем.

– Надо бы им еще женщин предложить.

– Уже был разговор об этом?

– Нет, но, думаю, скоро поляки поднимут данный вопрос. И если не профессор, то ассистент точно. Он молод, ему без женщины нельзя, да и экзотики, наверное, попробовать хочется.

– И кого ты предлагаешь?

– Адилю! Я купил ее в Кабуле. Отец продал девочку за бесценок. Сейчас она уже взрослая, ей семнадцать лет, мне она надоела, в хозяйстве от нее толку нет. Для поляка же будет в самый раз.

– Да, его больше смутила бы двенадцатилетняя наложница. Хорошо, я не против. Предложи специалистам развлечение, это только повысит их трудоспособность. Но и профессора имей в виду. Не факт, что в свои шестьдесят ему уже не надо женской ласки.

– Да, Асад.

– Ты готовься к поездке.

– Хорошо!

Хатини прошел в здание лаборатории. Встретил его постоянный охранник специалистов и лаборатории в целом Малак Ансар.

– Ассолом аллейкум, господин! – низко поклонился он и двумя руками пожал ладонь наркоторговца.

– Ва аллейкум! – ответил Хатини. – Как тут дела?

– Все нормально, специалисты работают, посторонних людей нет. Проблема только возникла, господин.

– Что за проблема?

– Отказал один из кондиционеров, в лаборатории душно, поляки жаловались.

– Передай Джавару, чтобы прислал новый кондиционер. И свяжись с ним немедленно, пока он не уехал.

– Понял.

Хатини открыл дверь в помещение, посреди которого стоял стол, заваленный всевозможными контейнерами, колбами, пузырьками, горелками. В лаборатории действительно было душно, температура поднялась чуть ли не до тридцати градусов.

Профессор Карл Глиняк сидел в углу – курил, его ассистент, Мацей Росицкий, взвешивал на аптекарских весах серый порошок.

– Добрый день, господин Хатини, – поприветствовал вошедших профессор. – Только доброго в нем не так уж и много.

– Вижу ваши проблемы, в помещении жарко. К сожалению, вышел из строя кондиционер, но не беспокойтесь, я уже отдал команду поставить вам новый.

– Благодарю.

– Как продвигается работа? Когда будет закончена партия эфербона?

Ассистент перешел к стеллажу, вытащил из ящика пакетик, поднял его:

– Она уже готова, здесь ровно сорок таблеток усиленного препарата.

– Надеюсь, на этот раз вы ничего не перепутали? – улыбнулся Хатини.

Профессор, которому было уже за шестьдесят, вздохнул:

– Еще раз приношу свои извинения, не представляю, как такое могло случиться, я же сам все расфасовывал, положил отдельно, и на тебе, попутал.

– Ну ничего, бывает. Главное, больше не ошибаться.

– Нет, подобного не повторится.

– Хорошо. Значит, партия боевого препарата готова.

Специалисты переглянулись, и профессор удивленно проговорил:

– Как вы сказали, боевого?

– Я так назвал усиленный эфербон.

– А ведь вы правы, это действительно боевой препарат. Его уже испытывали на людях?

– Начали испытания.

– Но результаты есть?

– Кое-что есть, и я могу вас поздравить, вы сделали то, что еще не удавалось никому. Но говорить о том, каковы будут окончательные результаты, рано, сейчас можно лишь констатировать, ваш труд не пропал даром.

– Это радует.

– Извините, господин Хатини, а надбавка к вознаграждению в данном случае не предусмотрена? – спросил ассистент, поводя хитрыми, жадными глазами.

– Надбавка – нет! Контракт есть контракт, его условия прописаны четко, оговорена сумма, которая и будет выплачена. Но поощрение вы заслужили.

– И в чем заключается это поощрение?

– Думаю, оно придется вам по вкусу. Я решил дать вам женщин.

– Мне это не надо. Лучше хорошего коньяка, – усмехнулся Глиняк.

– Будет коньяк, – кивнул Хатини и повернулся к ассистенту: – Вам тоже не нужна женщина, Мацей?

– Ну что вы, но... смотря какая.

– Хорошая женщина, ласковая, покорная, молоденькая, ей семнадцать лет, но она уже опытна в разнообразном сексе.

– Семнадцать лет? Европейка?

– Нет, местная.

– О, это же прекрасно, боялся вам говорить, чтобы не обидеть, но я очень хотел бы поиметь местных женщин.

– Ну так получите ее сегодня же вечером. И она может жить у вас в отсеке, причем столько, сколько нужно. А вы можете с ней делать все, что хотите. Если нравится, то и плеткой хлестать, и даже задушить, если она сделает что-то не так.

– Задушить? Вы имеете в виду убить?

– Да, после вас ей все равно не жить. Так что ее судьба полностью в ваших руках. Может быть, и профессора соблазните?

– Нет, благодарю, я лучше коньяку вечером в прохладной комнате, – поднял вверх ладони Глиняк.

– Я слышал, что у европейцев употребление спиртного в одиночку является признаком алкоголизма.

– Я не алкоголик, но и компаний не люблю. Шума не люблю.

– А это не отразится на вашей работе?

– Нет, я знаю меру.

– Прекрасно, будем считать, договорились. Вам – коньяк, столько, сколько нужно; вам, Мацей, – девушка.

– Как ее зовут? – облизав губы, спросил ассистент.

– Адиля. Она вам понравится.

– И сможет жить со мной, сколько я захочу?

– Да, вы будете ее владельцем, а она вашей вещью. Надоест или не устроит, скажете, замену, но уверен, этого не произойдет.

– Отлично, значит, уже сегодня вечером Адиля будет у меня?

– Вы увидите ее, вернувшись в свой отсек.

– Превосходный подарок, спасибо!

Хатини достал пачку американских сигарет, прикурил одну и открыл дверь:

– Да, жарковато, но скоро все изменится. Я оставлю вас, а вы продолжайте работу. Режим таков: партия в сто таблеток боевого эфербона, такая же партия – обычного. Это дневная норма. Увеличьте ее – получите еще поощрение. Да, насчет денег за август. Они уже переведены на ваши счета. Хотите проверить, я предоставлю такую возможность.

– Мне бы телефон спутниковый, господин Хатини, всего на несколько минут, справиться, как там, в Польше, поживает моя сестра, – попросил профессор.

– Это исключено. Не обижайтесь. Но я привык исполнять условия контракта.

– Понятно. Жаль!

– Мне тоже. До установления нового кондиционера можете отдохнуть, но выходить из лаборатории нельзя. Удачи, за партией придет мой человек.

Хатини вышел из здания. На улице в тени казалось прохладнее, чем в лаборатории, хотя термометр показывал около сорока градусов. Отойдя от здания, он выбросил окуроч, усмехнулся. Со стороны, наверное, это показалось бы странным, но его никто не видел. «Поговорить с сестрой надумал, старый пень. Посмотреть бы на твою сестру, когда в трубке городского или сотового телефона она услышит голос покойника. Для родственников Глиняка и Росицкого оба погибли от лихорадки, полученной в африканских джунглях, когда «завербовались на работу», – с насмешкой подумал Хатини, а вслух проговорил:

– Точно, старуху разбил бы инфаркт. А может, она не старуха?

И вздрогнул, услышав за спиной голос заместителя:

– Это с кем ты разговариваешь, Асад?

– Галал? Не слышал, как ты подошел, – резко обернулся Хатини.

– Потому что я умею ходить бесшумно.

Из-за дувала вышел один из охранников наркоторговцев, Юнус, тащивший на плече новый кондиционер. Джавар указал ему на лабораторию:

– Там снимешь старый, установишь новый кондиционер, и никаких разговоров с неверными. Понял?

– Понял, господин Джавар.

– А где Ансар? – спросил Хатини. – Он должен постоянно находиться в лаборатории.

– Я здесь, господин Хатини, обходил здание, проверял ставни, – тут же возник афганец.

– Ну и как?

– Все в порядке.

– Проводи в помещение Юнуса и проконтролируй замену кондиционеров.

– Слушаюсь.

Ансар и Юнус зашли в лабораторию, а Хатини повернулся к заместителю:

– Партия боевого эфербона готова, упакована. Вызывай из дома Гайды Файсаса, пусть придет сюда и заберет пакет, собирай остальных, грузите героин в пикап и можете не спеша двигать в Дурм. Я предупрежу Ремизи, он встретит вас и обеспечит выход к реке в нужное время. Ну а с Сангалом свяжешься сам, перед переправкой. На реке условные сигналы обговорите. В общем, не в первый раз, знаешь, как и что делать.

– Я проконтролирую все, не беспокойся.

– Давай. Я к себе.

– Да, перед выездом зайду!

Хатини и его заместитель разошлись. Главарь банды наркоторговцев вернулся в свой дом, а Джавар прошел к жилищу Гайды. Файсас лежал на топчане во дворе. Рядом клеенка, на клеенке чайник, пиала, ваза со сладостями. Недалеко сутилась Гайда. После потери мужа она старалась во всем угодить новому ухажеру. Тот обещал взять ее в жены, значит, следовало показать себя хорошей хозяйкой, а не только любовницей. Увидев заместителя Хатини, она, закрыв лицо платком, скрылась в доме.

– Вы ко мне, господин Джавар? – поднялся Файсас.

– Ты, наверное, не в курсе, что сегодня переправка товара? – вопросом на вопрос ответил Джавар.

– В курсе, но переправка ведь назначена в полночь.

– Поедем в Дурм раньше. Через час.

– Я готов.

– Это хорошо. Сейчас пойдешь к Ансару, пусть пропустит тебя в лабораторию. Возьмешь у профессора пакетик и спрячешь его в одежде так, чтобы никто не видел.

– Даже Нури?

– И Нури, и Ансар – никто! Этот пакетик передашь лично Сангалу.

– Понял.

– И смотри, Файсас, не вздумай открыть пакет. Это не для тебя.

– Вы же знаете, я не употребляю наркотики.

– Знаю, особенно марихуану, так?

– Но ее же все курят. – Глазки у курьера забегали.

– Поэтому ты еще жив. Как и те, кто позволяет себе баловаться анашой. Стоит хоть раз попробовать что-нибудь крепче, так головы сразу слетят с плеч.

– Мне героин не нужен.

– Ладно, много болтаешь, иди, куда сказано, и выходи к дому Нури.

– Вы тоже поедете?

– Да! – повысил голос Джавар. – И не задавай лишних вопросов.

– Конечно, господин Джавар, мне проблемы не нужны.

Джавар повернулся и пошел к дому Нури, старшего группы переправки наркотиков в Таджикистан. Файсас же направился к лаборатории. На скамейке у входа сидел Ансар.

– Салам, Малак! – поприветствовал его курьер.

– Салам, Файсас!

– Тебе говорили, что я должен зайти?

– Да! Проходи.

Файсас вошел в лабораторию. Глиняк и Росицкий, раздевшись, сидели в одних трусах в коридоре, в лаборатории Юнус заканчивал замену кондиционеров.

– Меня послал господин Джавар за товаром.

Росицкий, вытирая полотенцем потное тело, кивнул на комнату:

– Зайди, слева стеллаж, передние ящики, во втором снизу увидишь пакетик, небольшой, с таблетками, это и есть товар.

Профессор недовольно взглянул на заместителя:

– Ты бы сам, Мацей, передал, а то, не дай бог, вновь произойдет ошибка.

– Не произойдет, – отмахнулся Росицкий. – В ящике, кроме этого пакета, больше ничего нет. – Он кивнул курьеру: – Ступай, забирай!

Файсас вошел в лабораторию. Юнус спиной к нему на стремянке завинчивал последние болты крепления и даже не обернулся.

Курьер направился к стеллажу, но остановился, увидев на столе горстку таблеток. Машинально взял одну и бросил в карман. Поляки, конечно, знают, сколько они сделали наркоты, но шума поднимать не станут, они должны были сами передать ему пакет, а допустили туда, куда не должны были пускать. За это их ждало наказание. Нужно им это за какую-то таблетку?

Он забрал в нужном ящике пакет, вышел с ним в коридор и показал упаковку ассистенту:

– Этот?

– Этот! – бросив на пакет взгляд, кивнул тот.

– Хоп! – Файсас спрятал пакетик в кармане штанов.

– Долго там еще провозится твой соплеменник? – поинтересовался профессор.

– Он уже заканчивает, – ответил Файсас и вышел из здания.

Ему не терпелось попробовать препарат, что тайно делался в лаборатории, но кто знает, как он повлияет на психику. Может, так долбанет по башке, что глаза разбегутся. Нет, подождем. Как пойдем к реке, тогда и попробуем. По крайней мере, таблетка загонит глубоко внутрь страх, который всегда испытывал курьер при форсировании Пянджа, да еще наверняка и кайф выдаст. Самое то на рискованной работе.

Файсас дошел до дома Нури. Старший группы заводил пикап «тойота», рядом никого не было.

– А где люди, Нури?

– Джавар сказал, что поедем втроем – он, ты и я.
– Что, и переправляться вдвоем будем?
– Вроде так, товара много на этот раз.
– Полный пикап будет?
– Нет, конечно, три мешка. Но Джавар сказал, если надо будет, людей даст переправщик из Дурма.

– Какие у него люди, Нури? – скривился Файсас. – Они смелые на этом берегу. И больше думают о своих отарах.

– А нам какая разница? Да и что о пустом говорить, Джавар с нами не поплывет.

– На это мы есть. Ты готов?

– Я всегда готов. А ты хотя бы лепешку взял с собой.

– А зачем? Я плотно пообедал, Гайда постаралась, а в Дурме Саид Ремизи накормит.

– Бесшабашный ты, Файсас, удивляюсь, как тебя еще Хатини держит!

– А кто плотами управлять будет? Второго такого рулевого, как я, у Хатини нет.

– Это да, рулевой ты опытный, – кивнул Нури, – но в жизни бесшабашный.

– И что?

– А то, Файсас, такие, как ты, долго не живут. Ладно, зайди во двор, там бурдюк с водой у топчана принеси!

– Сам почему не взял?

– Ты не понял, что я сказал?

– Ну что орешь? Эх, куда деваться, одни начальники кругом.

– Болтай меньше.

– А смысл, Нури, если жить мне осталось самую малость. Ведь такие, как я, долго не живут?

– Трепло!

– И я еще трепло? Сам...

– Ты будешь делом заниматься? – прервал курьера старший.

– Куда ж деваться? Буду. Но с тебя сигарета.

– У тебя и сигарет своих нет?

– Чужие слаще, – рассмеялся Файсас и пошел за бурдюком.

Нури покачал головой – нет, надо менять его. Пусть Джавар подыщет другого рулевого, а то с этим пропадешь.

Не знал он, насколько в этот момент был близок к истине.

Загрузившись, пикап двинулся на северо-восток, по грунтовой дороге мимо Файзабада к приграничному кишлаку в горах, Дурму.

Проводив транспорт, Хатини в своей комнате включил спутниковую станцию, набрал номер таджикского поделщика Сагала.

– Салам, Асад! – ответил тот.

– Салам, Анзур! Как твои дела?

– Слава Всевышнему, неплохо.

– Ты готов ночью встретить курьеров?

– В принципе, да.

– Что значит, в принципе? – В голосе афганского наркоторговца прозвучали нотки недовольства.

– Я еще не встречался с человеком, обещавшим коридор на границе, – объяснил Сангал.

– Почему? У тебя было достаточно времени, чтобы все подготовить.

– Время было, человека не было, уезжал по неотложному семейному делу в Хорог. Сейчас вернулся. Выехал к пограничникам. Но не беспокойся, мой человек решит все вопросы, тем более что я дал ему столько денег, за сколько можно на месяц выкупить участок границы.

– Это было раньше, когда русские ушли. Сейчас и таджики стали нести службу серьезно, и русские советники в отрядах и на заставах появились. Как бы русские вновь не заблокировали границу.

– У нас не заблокируют. Сам знаешь свои местные особенности. А советников на ближних к кишлаку Башан заставах нет. Но есть офицеры, которые не желают рисковать жизнью за копейки. С ними всегда договоримся.

– Ну-ну, договаривайся. Товар прибудет в Дурм ориентировочно в 23.00. Старшим я отправил туда Джавара, своего заместителя, он, понятно, через границу не пойдет, его задача – контроль. Но свяжется с тобой именно он. Обсудив детали, начнете переборску.

– Особый товар будет?

– Немного, пакетик у Файсаса!

– Хоп, я все понял.

– Деньги за героин готовы?

– Конечно. Надеюсь, цена не изменилась?

– Пока нет, но следующая партия будет дороже.

– Скользкая дорожка – игра с ценами. Повысишь цены ты, другой торговец не сделает этого, и мы останемся, как говорят русские, у разбитого корыта. Я не смогу продать партию дороже, чем предлагают конкуренты.

– Скоро все, Анзур, будут торговать по одной цене.

– Что, афганские наркобароны решили перейти на плановую систему и единый тариф? – усмехнулся Сангал. – Что-то мне это напоминает из недавнего прошлого...

– Бароны ни при чем. Игиловцы все более усиливают влияние в стране. Как только они подомнут под себя наркотрафик, все станут работать по их законам.

– Что ж, если у всех будет равная цена, то все и будут иметь одинаково, только гораздо меньше, чем имели.

– Из этого бизнеса не уйдет никто!

– Конечно, сейчас доходность почти тысяча процентов, если опустится даже на триста, сто, все равно девать дурь из Афганистана, кроме Среднеазиатских республик и России, по большому счету, некуда.

– Наш разговор затянулся. Мы его продолжим, если хочешь, но не сейчас. Сейчас занимайся делом.

– До связи, Асад!

– До связи, мой друг!

Хатини отключил станцию.

«Тойота» с Джаваром, Нури и Файсасом прибыла в горный кишлак. Людей Хатини встречал глава селения Саид Ремизи. Он показал, куда поставить машину, пригласил гостей в свой дом, сильно отличавшийся от тех, что теснились вокруг. Население Дурма не имело никакой другой работы, кроме той, что давал Ремизи. Мужчины в основном были курьерами, переправлявшими наркотики в Таджикистан, женщины занимались домашним хозяйством. Впрочем, населения насчитывалось не более двадцати семей.

В главной комнате каменного дома Ремизи предложил гостям ужин. Женщины подали мясо, зелень, копченую рыбу. На десерт – обязательный чай со сладостями.

Джавар вместе с Ремизи вышли из дома.

Героин в мешках лежал на дне арбы, в которую был запряжен мул. Но и животное могло провезти груз только до половины пути, дальше сложно спускающееся небольшое плато обрывалось крутой тропой, зажатой с двух сторон скалами. И так тропа спускалась до затона, спрятавшегося за лесным утесом, имевшего несколько метров прибрежной полосы.

На утес вела лестница, там среди кустов оборудована площадка наблюдателей.

Заместитель главаря банды и его помощник осмотрели товар.

– Хороший героин, – проговорил Ремизи. – В центре Европы за килограмм такого дали бы не меньше десяти тысяч долларов.

– В Европе, Саид, больше в ходу евро, – осматривая пакеты с белым порошком, заметил Джавар.

– Я не знаю евро, мне не нужны евро, я знаю доллар – это настоящие деньги.

– Евро дороже, но если ты предпочитаешь доллары, то за килограмм этого героина получил бы не менее двенадцати тысяч долларов.

– Какие деньги! – облизнулся Ремизи. – А Сангал нам заплатит всего сто долларов за килограмм. Это сколько же получает он?

– Сангал не транспортирует наркотик даже в Россию, его предел – это Ош, там он сдает килограмм за тысячу долларов. По крайней мере, я слышал, что за эту сумму. Может, получает и меньше.

– Нам бы дал пятьсот долларов, мы бы были счастливы.

– Э-э, Саид не мелочись. У тебя сколько героина?

– Много.

– А у Сангала столько, сколько ему продашь ты и другие торговцы отсюда, ну есть и свои плантации, но их часто жгут правительственные войска.

– Тогда я должен диктовать Сангалу условия?!

– Ты? – удивленно посмотрел на главу кишлака Джавар.

– Извини. Господин Хатини, конечно. Вы, те, кто имеет большие деньги, чтобы сделать наркотик.

– Вот это верно. И не надо считать чужие деньги. Ты получаешь то, о чем договорено с Хатини?

– Да.

– У тебя хороший дом?

– Сам видел – хороший.

– У тебя сколько жен?

– Три.

– Твои жены, дети знают в чем-нибудь нехватку?

– Нет! Слава Аллаху, моя семья обеспечена всем необходимым.

– Так что же ты проявляешь недовольство? Каждый получает столько, сколько должен получать. И благодари Всевышнего за каждый прожитый день. Зависть же, Саид, плохой советник. Зависть вызывает ненависть, ненависть рождает стремление досадить тому, кому завидуешь, что в конце концов зачастую приводит к крови. Нам не нужна кровь, нам нужна стабильность. И кто ее создает, неважно. Как неважно и то, сколько неверных в России подохнет от нашего наркотика. Странная вещь, Саид, наркоманы знают, что каждая доза неминуемо приближает их конец, но идут на все – на воровство, грабеж, убийство – ради дозы. Ради приближения смерти. Вот что такое зависимость. Именно в ней успех нашего дела.

– Сейчас много мусульман стали принимать наркотики. Если раньше курили анашу, то сейчас нередко колют героин. Я был в Кабуле первый раз в 1985 году, когда наша страна была оккупирована Советской армией. Тогда мне там понравилось. Я имею в виду стройки, поднимались дома, гяуры протянули в горы линии электропередачи, появились больницы, госпитали, легко было. Не понравилось то, что женщины вели себя слишком вызывающе. И хотя в большинстве своем они соблюдали традиции, но были и те, кто открывал лица, и за это их никто не наказывал.

– Зачем ты говоришь мне это?

– Погоди, Галал, дослушай. Не важно, что мне тогда понравилось или нет, но в 1985 году я не видел в Кабуле ни одного нищего, ни одного бездомного, ни одного опустившегося нарко-

мана. Второй раз я был в Кабуле год назад. И что я увидел? Дома, построенные гяурами, разрушены, кроме одного квартала, кругом грязь, свет часто отключается, чистой воды не найти, только у торговцев, много нищих, много бездомных, и еще больше опустившихся наркоманов. Я зашел в развалины бывшего Дома дружбы и, словно в аду, оказался. По развалинам бродят тени, они ничего не разбирают, возле стен лежат мужчины, и не понять, кто живой, кто мертвый. А вокруг много, очень много, больше, чем битого стекла и нечистот, использованных шприцев. Откуда эти шприцы? Мы никогда не пользовались ими. А тут такие маленькие, тонкие. Один из них, я не могу назвать его человеком, весь в лохмотьях, обросший, вонючий, трясущимися руками рвал обертку, грязной ладонью набирал зеленые таблетки и бросал их в рот. Я хотел спросить, что это? Он зарычал, протянул ко мне скрюченные пальцы. Я понял, убьет, это животное. И подумал, почему так? Почему стало хуже, чем было? Но это было не все, вечером я видел, как из проезжавшего по городу бронетранспортера с красным крестом на борту из люков выбрасывались мешки зеленых таблеток, упаковки шприцов, контейнеры с ампулами. Что это, Галал, как не намеренное уничтожение американцами и их союзниками нашего народа?

– Вот ты о чем. Тебе нужен ответ?

– Если он есть у тебя!

– Он есть и у тебя, ведь ты же ответил. Все неверные, и русские, и американцы, и европейцы, хотят одного, уничтожить наши национальные традиции, нашу веру. Ты прав, они дали нам сильные наркотики, чтобы мы исчезли как народ. Но Кабул – не весь Афганистан, да и в Кабуле жертвами становятся не так много людей. Поэтому, Саид, наше дело не просто торговля – это война. Неверные хотят уничтожить нас, а мы уничтожаем их. В России гораздо больше наркоманов, чем на всем Востоке. И будет еще больше. Мы уже выбили у России и у Европы целое поколение, выьем второе, третье, а затем займем их территории. Это уже происходит в Европе. Наша война священна. А деньги? Деньги – это средство, чтобы жить достойно. Но мне надоел этот разговор. Товар готов, люди тоже. Что с плотом?

– На этот раз у нас лодка. Но хорошая, резиновая, крепкая, маневренная, – ответил Ремизи.

– А что с плотами?

– Они долго прослужили, надо вязать другие, но лодки лучше. Проще пустить две лодки с двумя курьерами, чем один плот с шестью воинами.

– Хоп! Может, ты и прав. Доставка товара Сангалу – на тебе. Тебе и отвечать.

– Но только не тогда, когда плавсредством управляют люди Хатини. А ты привез своих курьеров. Как я могу отвечать за них?

– Не надо прибегать к частному случаю. Сегодня да, если пойдут мои люди, за переправку отвечу я, в других случаях – ты.

– Это справедливо.

– Ты выставил наблюдателей за тем берегом?

– Да. Люди на месте. Контакт установлен.

– Что ж, тогда пора связываться с Сангалом.

– Станция исправна, пойдём в дом?

– Да!

Наркаторговцы прошли в дом. Нури и Файсас пили чай и играли в нарды. Хотели подняться при виде начальника, Джавар остановил их:

– Сидите. Но игру заканчивайте, скоро в дорогу.

Ремизи проводил заместителя Хатини в отдельно построенную комнату и вновь вызвал на связь таджикского наркаторговца:

– Анзур! Галал!

– Да, уважаемый!

- Ты решил вопрос с «коридором»?
- Решил, вернулся мой человек Габиев, он встретился с капитаном. С 0.00 до 2.00 «коридор» будет открыт.
- Место переправы прежнее?
- Да, но капитан предупредил, что, по метеосводкам, с востока подходит фронт сильного ветра.
- Это может сорвать наши планы?
- Боюсь, плот ненадежен для переправки в высокую волну. Повторяю, «коридор» капитан может открыть завтра, в это же время.
- Нет, все сделаем сегодня.
- Это рискованно.
- От нас пойдет не плот, а резиновая лодка. Новая, устойчивая, маневренная, с опытным рулевым.
- Ну тогда другое дело.
- Сигналы для начала переправки?
- Как только будете готовы, пусть ваш наблюдатель с утеса подаст фонарем сигналы – два коротких, один длинный, ответ – два длинных, и в дальнейшем мой человек не будет выключать фонарь, используя его в качестве маяка. «Коридор» небольшой, важно, чтобы лодка пришла в определенное место.
- Я тебя понял. В 0.10 начнем!
- Хоп! Мои люди уже у реки.
- Отлично. До связи!
- До связи!
- Джавар переключился на Хатини:
- Асад! Я!
- Слушаю, Галал!
- С Сангалом все обговорено, он и мы готовы, начинаем выдвижение к реке.
- На границе спокойно?
- «Коридор» обеспечен с 0.00 до 2.00.
- Как сейчас с погодой в Дурме?
- Пока все тихо, но пограничники передали об усилении ветра.
- Это плохо.
- Ничего, учитывая то, что Саид предоставил резиновую лодку.
- Уверен, что на реке ничего не произойдет?
- В этом может быть уверен только Всевышний.
- И ты! Я не желаю терять товар и деньги из-за чьих-то просчетов, пусть даже они касаются погоды.
- Думаю, все пройдет нормально.
- Мне мало твоих мыслей, мне нужна гарантия, – повысил голос Хатини.
- Джавар, сам не раз переправлявшийся через беснующийся Пяндж на лодке, не хотел лишние сутки торчать в Дурме, поэтому ответил:
- Я уверен, что все пройдет как надо.
- Хорошо. Ты сказал, я принял сказанное. Понимаешь, что с этого момента ты не контролер, а ответственный за переправку товара?
- Да!
- Хоп! Да поможет тебе Всевышний! Следующий сеанс связи при возвращении курьеров либо в случае отмены переправки, но тогда Сангал должен обеспечить «коридор» на другое, ближайшее время.
- Да, Асад!

– Удачи!

Джавар отключил станцию. Вышел на улицу, посмотрел на небо. Оно было ясным, звездным.

– У нас все готово, – доложил подошедший Ремизи.

– Сангал сообщил, что пограничник, обеспечивающий коридор, предупредил о ветре, а значит, и о большой волне.

– По-моему, таджикские метеорологи дали неправильный прогноз, – тоже посмотрел на небо Ремизи. – Обычно перед бурей небосклон затягивают облака, горизонт темнеет и сливается с вершинами гор, в воздухе заметно пахнет свежестью. Сейчас этого нет. Их специалисты часто ошибаются, Галал. Но даже если и поднимется волна, то она страшна для плота, не для лодки. Если, конечно, на ней опытный рулевой, который знает, что нельзя подставлять волне бок.

– У меня опытный рулевой. Отправляем курьеров.

– Ты не будешь инструктировать своих людей?

– Нет, это лишнее. Да, шайтан, сигналы, запомни и передай своему наблюдателю, в ноль часов с нашего берега должны быть поданы три сигнала: два коротких и один длинный, в ответ – два длинных, затем фонарь с той стороны будет гореть постоянно, указывая место выхода лодки. Последнее сообщи Нури, моему старшему.

– Хорошо.

– Я буду в комнате.

– Хоп, скоро подойду.

Курьеры и шестеро носильщиков вышли по тропе к укрытому утесом затону в 23.50. На гравийном берегу уже лежала солидных размеров лодка без кормы, там имелось место для мотора, но шуметь на реке нельзя, поэтому было прикреплено весло.

Носильщики загрузили мешки на лодку.

– Сможешь управлять этой посудиною? – взглянул на Файсаса Нури.

– Ты задаешь странные вопросы, Нури, – усмехнулся тот. – Выведу лодку куда надо. Саид предупреждал о возможной волне.

– Ерунда, посмотри на борта, на такой лодке в море выходить можно.

– Ты говоришь так, как будто когда-нибудь ходил в море. Сомневаюсь, что ты вообще видел что-то, кроме Пянджа.

– Я был в Иране, а там Каспий.

– Да? И когда же?

– Неважно.

Сверху спустился наблюдатель, обратился к Нури:

– «Коридор» свободен, можете идти. На том берегу, на холме, увидите свет фонаря, вам следует идти на него. Точно на него. Уйдете за изгиб по течению, попадете под пограничников. И еще, здесь не видно, а на реке поднимается волна.

– Большая? – спросил Файсас.

– Пока нет, но ветер усиливается.

– Шайтан с ним! Ориентируемся, значит, на маяк?

– Да! Я смотрю за вами.

Наблюдатель пошел к деревянной лестнице. Нури забрался в лодку, сел у носа, ухватившись руками за трос.

Файсас незаметно достал украденную из лаборатории таблетку, бросил ее в рот, ладонью зачерпнул воду, запил.

– Ты чего? – обернулся к нему Нури.

– Я всегда делаю так перед форсированием.

– Не замечал.

– Ты много чего не замечаешь.

Файсас почувствовал приятное головокружение. Чувство опасности и боязни покинуло его. Он столкнул лодку в заводь, сел на место рулевого, взял весло. В голове зашумело, наступило опьянение.

«Сильная штука, – подумал он, – хорошая».

И, оттолкнувшись от суши, выбрался на большую воду. Чувствуя в теле невесомость и испытывая наслаждение, Файсас повел лодку в направлении маяка. Лодка уверенно резала носом еще невысокие волны. Наблюдатель смотрел за удаляющимся плавсредством...

Глава третья

Чувствуя легкость, ощущение нереальности всего происходящего, как кадры в фильме, никак не связанные с ним, Файсас энергично орудовал веслом. Он видел впереди свет фонаря. Ветер усилился, волна ударила в правый борт так, что лодка подпрыгнула.

– Файсас! Шайтан, ты чего делаешь? Опрокинемся, – воскликнул Нури.

Но порывы ветра вызвали у рулевого только прилив веселья.

– Не бойся, Нури! Вот она, жизнь! Ветер, волны, кайф! Так и должно быть. Стихия, все, чего нам не хватает.

Наркотик все больше забирал рулевого. Он, играя, специально подставил борт лодки под следующую высокую волну. Удар – плавсредство отбросило влево, и Нури едва не вылетел в воду, к счастью, веревки удержали.

– Файсас, собака, ты что делаешь?!

– О! Нури! Кайф! Это настоящий кайф!

Ни с того, ни с другого берега не могли понять, что происходит. Лодка должна была как можно быстрее пройти русло и встать в тихой заводи таджикского берега, вместо этого она кружила по реке в каком-то безумном танце.

Потерявший страх и реалии Файсас бросил весло и закричал:

– Возьми меня, река, возьмите меня, небеса, возьми меня, ветер, я, как рыба, могу плавать, я, как птица, могу летать, я все могу, я господин Вселенной!

Третья мощная волна подкинула лодку, ударила в борт мощным потоком воды, Нури с Файсасом выбросило в воду, а лодка перевернулась. Старший курьер попытался глотнуть воздуха, но волна накрыла его, потащив ко дну. Нури хотел закричать, открыл рот, и... в легкие хлынула вода. Он пошел ко дну.

Файсаса, потерявшего сознание, бросило на отмель и покатило на открытые камни, пока вновь не возвратило в пучину.

Перевернувшаяся лодка, прыгая на огромных пенистых волнах, которыми вздувался Пяндж, удалилась к западу, к центру, туда, где заканчивался «коридор» контрабандистов.

Наблюдатель-афганец схватил радиостанцию:

– Саид! Саид! Это Алим!

– Слушаю тебя, Алим!

– Беда, Саид!

– Что?

– Лодка опрокинулась посреди реки.

– Как опрокинулась?

– На ней происходило что-то непонятное! Файсас словно с ума сошел, он сначала специально подставлял борт под волны, потом бросил весло и что-то кричал. После волна опрокинула лодку, она плыла на волнах вверх дном, уже уходит за изгиб к пограничникам. Ни Нури, ни Файсаса не видно. Да и не могли они выжить в таких волнах. Надо было переждать ветер.

– Ветер?! – вскричал Саид. – При чем здесь ветер! Тебе следовало посмотреть, в каком состоянии Файсас. Наверняка он принял дурь.

– Теперь я виноват, да? Я сделал все, что должен был сделать, а следить за курьерами, тем более не нашими, – не моя забота. Я подаю сигнал отхода таджикам и возвращаюсь в селение.

– погоди, Алим! – постарался взять себя в руки Ремизи. – погоди! Я не прав, вспылел, но ты должен понять почему. Ты мне вот что скажи, Нури и Файсас точно не всплыли?

– Я их не видел на реке. Тем более что Файсаса протащило по отмели, а там подводные камни острые, как бритва.

– А товар, значит, ушел на дно?

– Если его и тащит по дну, то далеко не утащит, дно неровное, где-нибудь застрянет, да толку? Пропал товар. Весь! И лодка.

– Возвращайся!

В это же время станция Джавара сработала сигналом вызова.

Прежде чем ответить, заместитель Хатини взглянул на Ремизи и понял, что на реке произошло непоправимое. Ремизи махнул рукой, сел на стул, рванул ворот рубахи так, что пуговицы полетели на пол:

– Накрылась лодка с курьерами, перевернулась. Все пошло ко дну, кроме самой лодки.

– Слушаю! – ответил в трубку Джавар.

– Это Сангал. Ты можешь мне объяснить, что произошло на реке?

– А ты не знаешь?

– Я знаю, более того, лично видел, как бесился твой рулевой. По его вине опрокинулась лодка. Он даже весло бросил. Ты, Галал, можешь объяснить, что все это значит?

– А это значит, Анзур, что сделка не состоялась, – выдохнул воздух Джавар.

– Какого черта, у меня уже ждут покупатели!

– А я что сделаю? – не выдержав, сорвался Джавар. – Если бы я мог повлиять на ситуацию, я бы повлиял, но ты сам видел, что рулевой не справился с управлением.

– Да он и не управлял. Его поведение больше напоминало танец дикаря. Он явно был под наркотой и принял дозу как раз перед началом форсирования реки. Как ты объяснишь, что у твоего человека оказался с собой наркотик? Как вы с Хатини объясните, что ваши курьеры сидят на наркотиках, что категорически запрещено?

– Мне нечего тебе сказать, Анзур! Если ты друг, то не станешь посвящать Асада в подробности. Скажем, лодка перевернулась из-за удара большой волны, и все. С остальным я разберусь, и вскоре ты получишь более крупную партию.

– Да? А неустойку за срыв сделки в Таджикистане ты заплатишь?

– Заплачу.

– Чем? Хатини порвет тебя на куски, узнав о потере товара.

– Я заплачу.

– Я буду иметь дело с Асадом! Все! – Сангал отключил станцию.

Бросил трубку в кейс и Джавар.

– Что? – тихо спросил Ремизи.

– Отправляя людей, ты должен был заметить, что Файсас не в себе, тебе и отвечать.

– Что? – воскликнул потрясенный Ремизи. – Ты хочешь свою вину свалить на меня?

Имран! – крикнул он телохранителю.

Тот появился сразу же:

– Да, господин!

– Взять этого шакала! – кивнул он на Джавара.

Имран Каган двинулся на заместителя Хатини, но тот выдернул из кармана пистолет:

– А ну, стоять, Имран, если не хочешь получить пулю в лоб! И не пытайся вытащить свой ствол – не успеешь. И ты, Саид, не дергайся. Успокойтесь. Не ругаться надо, а думать, как выбраться из этой ситуации. У нас мало времени, Сангал наверняка уже говорит с Хатини.

– Успокойся? Ты хочешь сделать меня виноватым, а я должен безропотно принять роль жертвенного барана?

– Я пошутил. А ты не понял.

– Пошутил? Ну и шутки у тебя! Опустит ствол, будем говорить. А Имран пусть идет на улицу.

– Чтобы оттуда иметь возможность пристрелить меня?

– Я – не ты, чтобы шутить тогда, когда надо плакать.

– Хоп!

Джавар поставил «ПМ» на предохранитель, положил пистолет в карман.

– Уйди, Имран, но будь поблизости, – приказал телохранителю Ремизи. – Если что, будь то крик и тем более выстрел, сразу же сюда, но аккуратно, и если я буду убит или ранен, то стреляй в господина Джавара, понял?

– Понял, господин!

– Иди!

Каган вышел.

Сигналом вызова сработала станция.

Ремизи потянулся к ней, но Джавар остановил его:

– Подожди, Саид, не торопись, надо решить, что будем говорить. Так, чтобы наши показания, а также показания твоего наблюдателя совпадали.

– А чего придумаем, Галал? Сангал же все своими глазами видел.

– Не торопись. Ответить успеем. И найти причину, почему не выходили на связь, легко. Не торопись.

– Ладно. Что предлагаешь?

Минутами ранее спутниковая станция Хатини в Рахнуде издала сигнал вызова. Главарь наркоторговцев ждал вызова, не шел к жене, ему надо было убедиться, что переправка наркотика прошла успешно, деньги получены, курьеры вернулись. Он и думал, что звонит Джавар, и сильно удивился, когда в динамике снятой трубки услышал голос Сангала:

– Асад? Я!

– Не ожидал. Что-то не так с товаром?

– Каким, шайтан, товаром? Твой товар на дне Пянджа.

– Что? Что ты сказал? – побледнел Хатини.

– Ты разве не в курсе?

– В курсе чего? Я ожидаю доклада о завершении сделки.

– Понятно. Так вот, ввожу тебя в курс дела. Сделка не состоялась. Лодка опрокинулась из-за безумства рулевого, который явно находился под наркотическим опьянением, курьеры и товар пошли на дно, лодку понесло к пограничникам. Прекрасная новость, да?

– Шакалы! Я с них шкуру с живых спущу! Мне ничего не было известно об этом, Анзур.

– Верно! Однако это дела не меняет. Что я скажу своим покупателям, которые уже оплатили товар? Кто вернет мне потерянные деньги за неустойку, что придется платить? И стоит ли мне иметь дело с ненадежным партнером?

– Не спеши делать выводы, Анзур, у нас не только героин, но кое-что другое, более перспективное в части будущей прибыли.

– Мне придется продавать то, что ты переправил мне для хранения.

– Ни в коем случае! Я оплачу потери. И в ближайшее время пришлю тебе новую партию героина.

– Хоп! Если ты готов возместить потери, я подожду от силы еще неделю. Сумму тебе сообщит мой помощник Шарип. Разбирайся со своими ослами. Все. Шарип сейчас же свяжется с тобой! – И Сангал выключил станцию.

Хатини переключился на Файзула, тот не ответил. Промолчала и станция Ремизи.

– Шайтан! – проговорил Хатини. – Куда они подевались? Или боятся отвечать, но это глупость, так они только себе хуже делают. А может, находятся на берегу, разбираются, что произошло? Придется ждать, не ехать же в Дурм?

Он прилег на ковер, где на скатерти стоял чайник с чаем, пиалы, пепельница, лежали сигареты.

А в Дурме тем временем шли переговоры.

– Что произошло? – переспросил Джавар. – Предлагаю сказать Хатини, что дело обстоит так. Я с курьерами приехал в селение. Мы с тобой обговорили детали, затем посмотрели лодку. Связались с наблюдателем. Он сообщил, что усиливается ветер. Об этом предупредили и таджики, но... мы с тобой сами пошли к реке, волна была небольшой. А лодка может выдержать и более сильную волну, посему приняли решение не переносить акцию. В том числе и потому, что «коридор» Сангала был скорее всего на два часа. Затем. Лодка не плот, она была устойчива и могла держать большую волну. В оговоренное время мы с тобой спустились к реке вместе с курьерами. Вновь посмотрели реку. Спросили у Файсаса, сможет ли он провести плавсредство по такой волне. Он заверил, что сможет. Никаких признаков наркотического опьянения мы не заметили. Не заметил и твой наблюдатель Алим. Тебе следует предупредить его, чтобы мы говорили одно и то же.

– Об этом не беспокойся. Дальше?

– Дальше наблюдатели с обеих сторон обменялись сигналами. С таджикского берега прошел сигнал на свободу «коридора». Товар уложили в лодку, и она пошла по реке. Все было нормально, Файсас, я подчеркиваю это, вел лодку уверенно, Нури спокойно находился у носа. Неожиданно ветер усилился. Поднялась большая волна. Но лодка держалась на плаву. А затем по реке прошли два вала, которые развернули плавсредство и ударили в борт. Это было неожиданно. Файсас не бесновался в лодке, он пытался развернуть ее носом к водяным валам, но не удержал весло. И тогда волна опрокинула неуправляемую лодку. Это видели все, и лично мы с тобой, и Алим – наблюдатель. Мы были там.

– Но и Сангал мог смотреть и на лодку, и на берег. И не видеть, что нас не было на берегу, не мог, – заметил Ремизи.

– Да мало ли что скажет Сангал! Он в бешенстве, вот и желает доставить нам неприятности. Впрочем, мы могли находиться и в укрытиях. Да там же, напротив скалы, где находится пост, есть пещера, не видная с той стороны.

– Есть такая!

– Ну вот, мы находились в ней. Главное, что мы с тобой готовили акцию, как положено, лично все контролировали, проверяли. Наркотическое опьянение Файсаса – бред. Да, его движения в лодке носили хаотичный характер, но какими они могли быть в нештатной ситуации? Файсас до последнего пытался вывернуть лодку. Но не все в силах человеческих. Стихия оказалась сильнее. Мы же сделали то, что и должны были сделать. А Хатини договорится с Сангалом.

– Как объясним, почему не вышли на связь?

– Да очень просто. Были у реки. А вот сейчас я свяжусь с ним. Так мы договорились?

– Я скажу то, что надо, но при одном условии.

– Каком?

– Я ни при каких обстоятельствах не должен возмещать ущерб за потерю товара.

– Хоп! Если что, заплачу я. Но думаю, до этого не дойдет.

Ремизи усмехнулся. Он прекрасно знал, что Джавар, уйдя от ответственности сейчас, впоследствии не моргнув глазом подставит других, тех, кто помогал ему. Поэтому достал диктофон и продемонстрировал его Джавару:

– Нет необходимости, Галал, говорить, что я записывал все наши переговоры. И до трагедии на реке, и после. Так что не в твоих интересах что-то впоследствии менять. Ты обещал платить, ты и заплатишь.

Желваки заиграли на скулах Джавара. Этот шелудивый пес Ремизи оказался хитрее, чем он думал. Естественно, Джавар при первой возможности, несмотря на все заверения, сдал бы главаря Дурма, стоило лишь немного измениться ситуации, но теперь это невозможно. Проклятый Ремизи подстраховался, и если запись попадет к Хатини, крупных проблем не избежать.

– И зачем ты записал разговор, Саид? Ты не веришь моему слову? – укоризненно покачал он головой.

– Я, Галал, просто уже долго пожил на этом свете, удивительно много при нашей нервной работе. А посему привык доверять только себе. Извини, если обидел, но так спокойнее. Связывайся с Хатини, а то он сам приедет сюда.

– А ты проинструктируй наблюдателя.

– Сразу же после переговоров. За моих людей не волнуйся.

Джавар провел ладонями по бородке, включил спутниковую станцию, набрал номер и тут же услышал крик Хатини:

– Галал?! Какого шайтана?! Почему я не могу связаться с тобой?

– А ты ранее пытался? Ах, черт, вижу пропущенный вызов. Но я при всем желании не мог ответить.

– А Саид? Где он был?

– Асад, мы оба занимались сделкой. И пожалуйста, успокойся, вижу, Сангал повлиял на тебя. Интересно, что он тебе сказал?

– А мне интересно, что скажешь ты по поводу потери товара.

– Так тебе известно о трагедии на реке?

– Отвечай на вопрос, Галал, как случилось, что Файсас опрокинул лодку?

– А кто тебе сказал, что он ее опрокинул? А?! Ну конечно, все тот же Сангал! Но, пожалуйста, не гневайся и выслушай, что скажу я.

– Говори, – уже заметно другим, более спокойным тоном приказал Хатини, и это был добрый знак.

Джавар, бессовестно искажая действительность, изложил главарию свою версию произошедшего на Пяндже, закончив словами:

– Так что обвинения в мой и Ремизи адрес совершенно безосновательные. Мы делали то, что и должны были делать. А информация о якобы принявшем наркотик Файсасе – ложь. Я сам своими глазами видел, как он пытался справиться с лодкой. И это ему удалось бы, если бы не роковая случайность – две огромные волны, таких я прежде на Пяндже не видел никогда, выбили из его рук весло. А без него Файсас уже ничего не смог сделать.

– Тогда почему ты, оповещенный об изменении погоды, решил начать переправку?

– Я принял это решение, согласовав его с Сангалом, – все так же бессовестно лгал Джавар. – Конечно, сейчас Сангал будет все отрицать, как он признается в том, что дал добро на переправку, поставив сообщение таджикских синоптиков под сомнение? Ведь тогда в происшествии есть и его вина, а значит, ни о каком возмещении ущерба и речи быть не может. Сангал обманывает тебя, Асад, и делает это намеренно.

– Все сказал? – спросил Хатини.

– Все!

– Передай трубку Ремизи, он наверняка рядом с тобой.

– Передаю!

Ремизи взял трубку. Так как разговор пошел на пониженных тонах, Джавар включил громкую связь, чтобы слышать разговор.

– Ремизи на связи, господин Хатини.

– Ты слышал слова Джавара?

– Да.

– Подтверждаешь их?

– Да. Мы вместе контролировали акцию и во время переправы находились у реки. Все происходило, как всегда.

– Где конкретно вы находились? Таджики не видели вас.

– Они и не могли увидеть, потому что мы смотрели за лодкой из пещеры, назвать ее местоположение?

– Не надо. Значит, ты тоже считаешь, что Сангал врет?

– Смотря в чем. В том, что лодка опрокинулась, – нет, а вот в том, что Файсас находился под наркотиками, – да. По крайней мере, ни я, ни мой наблюдатель никаких признаков наркотического опьянения у Файсаса не заметили.

– Значит, несчастный случай?

– Да.

– Где твой наблюдатель?

– В селении, вызвать его?

– Не надо. Если вы сговорились, ничего нового я не услышу. Хоп, принимаю вашу версию, но предупреждаю, появится в дальнейшем информация о том, что вы оба говорили неправду, я прикажу казнить вас. Джавар пусть едет в Рахнуд, ты же готовь своих курьеров и сам будь в готовности принять новый товар. Мы должны Сангалу, а по долгам надо платить.

– Я все понял.

Хатини отключил станцию. То же самое сделал и Джавар, после чего одобрительно посмотрел на Ремизи:

– Молодец, Саид! Теперь свой диктофон можешь выбросить. Хатини не простит лжи.

– Как знать, возможно, не простит, но и тебе, уважаемый Галал, не поздоровится, если запись попадет к Хатини. Так что я не буду выбрасывать запись. Если тонуть, то вместе. Как Файсас с Нури.

– Или выплывать, что гораздо лучше. Ты умен, Саид. С умным человеком всегда можно договориться.

– Ты слышал, что приказал Хатини?

– Слышал. Сейчас поеду.

– Как думаешь, он сам не заявится сюда?

– Вряд ли, иначе уже приехал бы. А там, кто его знает, Асад в последнее время стал нервным. Но чем грозит его приезд, если наблюдатель даст такие же показания, как и мы?

– А носильщики? Ты забыл о них.

– Что носильщики, они принесли товар, уложили в лодку и ушли.

– Но они знают, что нас в тот момент у реки не было.

– Значит, поговори и с ними. А лучше отправь их куда-нибудь на время. Для работы у тебя людей и без них достаточно. В общем, это твои дела. Я поехал, мне еще предстоит трудный разговор с Хатини.

– Не забывай о моих условиях.

– Асад может снять с тебя долю, но не волнуйся, я тебе все верну.

– Хоп!

– Это ты тоже записал?

– Конечно. Я все записал.

– Смотри, как бы эта вредная привычка не погубила тебя.

Ремизи поднял глаза к потолку, провел ладонями по щекам:

– Все и вся в руках Всевышнего. Как он решит, так и будет.

– Верно. Береги себя, Саид.

– И ты береги, Галал.

– Проводишь?

– А надо?

– Пожалуй, нет, машина рядом, дорогу я знаю. До свидания, Саид!

– Счастливо.

Джавар уехал. Ремизи вызвал Алима и носильщиков.

Часом ранее в районе ответственности шестой пограничной заставы Каратульского погранотряда республики Таджикистан

Шквал ветра, внезапно налетевший на Пяндж, так же внезапно стих.

Пограничный наряд, несший службу на участке изгиба реки, без труда увидел плывущую к берегу перевернутую лодку, о чем старший наряда тут же сообщил дежурному по заставе. Дежурный набрал номер начальника, но капитан Мубим Эргаш не ответил. Тогда дежурный прапорщик воспользовался сотовым телефоном. Мобильный номер начальника заставы и его заместителя были внесены в дежурный журнал. Вызывать пришлось несколько раз. Наконец недовольный голос прошел в динамике:

– Какого черта, прапорщик?

– Господин капитан, на реке замечена перевернутая резиновая лодка.

– Лодка? Откуда она взялась?

– По докладам наряда, из-за изгиба реки. А до этого по Пянджу прошел настоящий ураган. На реке таких волн на моей памяти не было.

– Где конкретно сейчас находится лодка?

– Ее несет к нашему берегу. Это может быть провокация!

– Какая, к шайтану, провокация? Или ты думаешь, что под лодкой афганские аквалангисты?

– А разве это невозможно? По инструкции я должен отправить к месту нарушения мобильную группу.

– Ну если должен, то посылай?! Хотя нет, не надо. Подними заместителя, пусть возьмет пару бойцов и выйдет к берегу. Наряду прикрывать группу. Задача: вытащить лодку на берег, осмотреть содержимое, да и саму лодку доставить на заставу. Оперативному дежурному отряда не докладывать, нечего по пустякам беспокоить начальство.

– А если обнаружим оружие или наркотики?

– Где? Лодка перевернулась, если что-то и было в ней, то ушло на дно. Но, скорее всего, ее сорвало с афганского берега. Если так, то заберем ее себе. А с начальством поговорю я. Поднимай заместителя.

– Вы подъедете?

– Придется. Еще раз повторяю, никаких докладов в отряд.

– Есть, господин капитан.

Эргаш выключил телефон, закурил сигару, обдумывая ситуацию, затем снова взял трубку и набрал номер:

– Хурам? Капитан.

– А?! Это вы!

– Это я! Скажи-ка мне, Хурам, что за лодка вышла к заставе из-за изгиба, где я обеспечил вам «коридор»?

Человек Сангала, договорившись с пограничниками, вздохнул:

– К сожалению, капитан, это та лодка, ради которой мы и делали «коридор».

– Но вас же предупреждали, что через Пяндж идти сегодня опасно?

– Переправа – не мое решение, скажите лучше, в ближайшие дни вы сможете организовать еще один «коридор»?

– Нет, это ты мне скажи, сколько человек было в лодке, сколько груза? Какого, я не спрашиваю, это и так понятно.

– В лодке были два курьера, они утонули. Товар? Да какая вам разница, сколько его было?

– Товар ладно, но утопленники могут всплыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.